

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAIS”
SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 486878

Correo
Central B.
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 3980
INTERES GENERAL
Concesión № 4233

AÑO VIII

Buenos Aires, jueves, 15 de Diciembre de 1955 •

Буэнос Айрес, четверг, 15 декабря 1955 года

№ 308

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

21. Пока советские Бим - Бом путешествуют, Лазарь заводит новую ежовщину

Давно уже советский праздник не проходил так бледно и угрюмо, как в этом году. Доклад Лазаря Кагановича 6-го ноября не содержал ничего нового — общие фразы о строительстве за 38 лет большевизма, причем он умолчал, что в любой стране за тот же срок выстроены новые фабрики, железные дороги, аэродромы, университеты и пр. без концлагерей и стахановщины. Он скрыл невыполнение Ленинского плана электрификации всей железнодорожной сети, Сталинского плана лесонасаждений, Хрущевского плана развития животноводства и т. д.

Он выдал за доказательства советского миролюбия договоры с Австрией, Бирмой, двумя Германиями и Финляндией, но подчеркнул, что СССР не допустит свободных выборов в Германии, пока не будет уверен в том, что вся Германия примет советизацию. Конец речи — набор трескучих фраз о подготовке XX-го съезда партии и ложь о сплоченности партий вокруг ее ЦК.

Читатели знают, что немедленно после «праздника» Молотов вернулся в Женеву, где сорвал соглашение по всем пунктам программы: объединение Германии, разоружение, культурно-экономическое сотрудничество.

Сейчас же после «праздника» СССР предпринял две питрии против Запада.

С 10 по 16 ноября шли в Москве переговоры с норвежской делегацией во главе с премьером Э. Герхардсеном. 15 ноября министр внешней торговли И. Г. Кабанов и норвежский министр торговли А. Скаут подписали торговый договор, а Булганин и Герхардсен — сообщение, по которому Норвегия обязалась не

предоставлять военных баз иностранным вооруженным силам, пока Норвегия не подвергнется нападению или угрозе нападения.

Советская дипломатия со своей стороны согласилась на конвенцию о распределении электроэнергии между электростанциями обеих сторон на реке Пасвикелья, на обмен студентами, на сотрудничество в области спорта, искусства, культуры, науки и просвещения и на создание совместной аварийно-спасательной службы в Баренцовом море.

В Москве ликовали, считая, что Норвегия отошла от Атлантического блока, не допуская своих союзников на собственные базы; но по плану НАТО выстроенные при военно-технической и финансовой помощи союзников в Норвегии, как, впрочем, и в Греции и Турции, базы в мирное время не имеют иностранных гарнизонов, но для них обеспечены все возможности расквартирования при любой угрозе нападения со стороны СССР. Поэтому уступка Норвегии только кажущаяся; по торговому договору СССР поставляет Норвегии в 1956 году на 140 миллионов рублей зерно, нефть, марганец, хром, анатиты, асбест, канифоль, нафталин, автомобили и мотоциклы, получая взамен на ту же сумму китовый жир, соленые и мороженые сельди, рыбное филе и алюминий. Такой товарообмен предусмотрен на три года.

Отметим, что в ночь на 26-ое ноября норвежская молодежь взрывом мелкой бомбы выбила стекла в окнах нижнего этажа советского посольства в Осло в знак протеста против этого соглашения.

16 ноября Булганин проводил на аэродром норвежскую делегацию, которая полетела посетить Сталинград, Тбилиси и Ленинград в сопровождении зам. м-ра иностр. дел В. С. Семенова и посла СССР в Осло Г. П. Аркадьева, а на другой день Булганин и Хрущев вылетели в Индию в сопровождении мин. культуры Н. А. Михайлова, предс. Комитета Госуд. Безопасности, генерал-полковника Серова (впервые этот палач их сопровождает за границу); зам. м-ра: иностр. дел. Громыко, сельского хозяйства СССР Д. Р. Расулова, внешней торговли П. Н. Кумыкина и зам. министра культуры Узбекской ССР Э. Рахимбаева. Если присутствие Громыко и Кумыкина объясняется подготовкой торгово-дипломатических соглашений, а двух узбеков Расулова и Рахимбаева — желанием показать советских министров-азиатов, то участие в поездке Серова

представляется весьма загадочным: должен ли он охранять своих господ или раскинуть сети шпионажа в южной Азии — покажет будущее! Пока Булганин и Хрущев ведут себя в Индии, как известные клоуны Бим и Бом: то снимаются, украшенные цветами с венками на голове, то разуваяются перед посещением храмов, то Булганин хохочет, смотря, как Хрущев пытается принять участие в полевых работах крестьян, то Хрущев снимается с курицей в руках и заявляет журналистам: «смотрите, не пишите, что мы приехали кур воровать!» В расчете на ненависть населения к англичанам и незнание большевизма они уверяют, что Ленин боролся за независимость России, как Ганди — за независимость Индии, как будто до 1917 года Россия не была независимой, а управлялась английской администрацией. В другой раз заявляют, что в 1941 году Англия толкнула Гитлера напасть на СССР, хотя все помнят, что Англия в то время воевала против Гитлера.

Пока они клоунами подвизаются по очереди во всех центрах Индии, Каганович постепенно укрепляет свой авторитет в Москве, действуя Сталинским испытанным методом ежовщины.

В прошлый раз я уже говорил о принятом 4 ноября, по почину Кагановича, и опубликованном 10 ноября постановлении ЦК и Совета Министров «об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

Подлее этого постановления быть не может. Архитекторы представляли проекты на утверждение правительства, здания строились годами на глазах не только властей, но и всего населения, печать помешала снимки этих советских гостиниц и вокзалов в стиле барокко; иностранцев водили ими любоваться; по окончании постройки давали архитекторам Сталинские премии, а теперь вдруг их наказывают именно за то, за что их награждали Сталин, Берия и Маленков: лишены премий и сняты с работы архитекторы: Рыбницкий, Полянов, Чечулин, Власов (мы знаем, как пытались спасти в Париже Власова, возвращавшегося из Америки и как он трагически заявил, что едет в СССР, ибо там у него жена и дети), уволены архитекторы Ефимович (Москва), Гречихин (Горький), Крыкин (Харьков).

Теперь во всех советских газетах читаем, как на всех стройках «прорабатывают» постановление от 4-го ноября, шельмуя архитекторов и инженеров: любой активист-партиец или комсомолец издевательски упрекает старого заслуженного архитектора за то, что он спроектировал красивый подъезд здания, широкую лестницу или просторный зал с орнаментами или башенку. Несчастный архитектор не смеет сказать, что он выполнял постановление ЦК и Сова-

В номере:

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА СЛОЯ
(стр. стр. 157-160)

Алексей Ростов
НА РОДИНЕ

Н. Жигулев
ДА ЗДРАВСТВУЕТ УБИЙСТВО

Михаил Бойков
РУКА МАЙОРА ГРОМОВА
(Роман)
(Продолжение)

MEDIDAS EXPEDITIVAS
EN LA U. R. S. S.

та Министров 1953 года: «яркость, живописность силуэтов роднят высотные здания Москвы с их отдаленными предками — традиционными ярусными и башенными постройками древней Москвы... пропорции и силуэты должны быть оригинальны». Нет, он встает, бледный, и трясущимся голосом признает себя виноватым и благодарит партию и правительство, которые его «разоблачили» и научили его строить без оригинального замысла, лишь по стандартному проекту, лишены всяких украшений здания. Так выступил Борещкий, а за ним другие разжалованные лауреаты. Не будучи в состоянии досыта накормить и прилично одеть рабочих, ЦК дает им удовольствие поиздеваться над инженерами и архитекторами, которые считаются их начальством.

Но свирепый Каганович повторяет повсюду сталинский прием: отдать на посрамление голодному и обремененному нуждой населению какого-нибудь провинциального вельможу, перед которым вчера все заискивали и пресмыкались.

В начале ноября новый секретарь ЦК Александр Борисович Аристов отправился в Горький на пленум Обкома: там выяснилось, что население не обеспечено яйцами, мясом, картофелем и овощами, что выстроенные в совхозах теплицы и парники никуда не годятся, что посевы зерна, льна, картофеля, овощей ниже довоенных размеров, что годами не достраиваются больница, поликлиника и ряд школ, что треть заводов не выполняет плана. Кто же виноват? Выдвинутый в 1949 году Маленковым первый секретарь Обкома Д. Гр. Смирнов, на съезде в 1952 г. выбранный членом ЦК «не способен руководить такой крупной организацией, как Горьковская (а он ею 6 лет руководит): для этого он не обладает ни необходимыми знаниями, ни практическим опытом (за шесть лет его не приобрел!). Чванливость

Храм Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира (Сан-Мартин 344, Вижа Бажестер) извещает, что в воскресенье 18-го и в понедельник 19-го декабря с. г. после Божественной Литургии перед Памятником Мученически убитому Государю Императору Николаю Александровичу. Его Августейшей Семье и верным слугам Их иже с Ним убиенным будут совершены

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ
ПАНИХИДЫ

и самонадеянность, упоение мнимыми успехами мешали Смирнову критически оценивать положение, видеть недостатки в работе». Аристов снял с работы не только Смирнова, переводя на его место секретаря Обкома из Воронежа Н. Г. Игнатова, но остальных секретарей Обкома Кочедыкова и Морозова, зав. отделом кадров Бахтина, зав. сел.-хоз. отделом Поспелова (не родственник ли соперника Аристова по работе, секретаря ЦК П. Н. Поспелова); возможно, что все они арестованы и, во всяком случае, не они будут делегатами области на партсъезде. Населению же показали, как ЦК карает нерадивое начальство.

После этой расправы Аристов вернулся в Москву праздновать 6-8 ноября, затем выехал в Вологду. Там оказалось на пленуме Обкома, что сельское хозяйство в упадке, колхозы и совхозы из года в год не выполняют планов; в колхозах значительно сократилось поголовье скота. Напомню, что в Императорском Петербурге вологодское масло считалось лучшим!

Тут тоже Аристов расправился с местным начальством, сняв с работы первого секретаря Обкома, члена ЦК А. В. Семина, всех трех других секретарей Власенко, Малинина и Гнатченко, предс. облисполкома Буверова и около 100 председателей колхозов, большинство которых всего несколько месяцев назад были поставлены на эти посты в порядке заочной Хрущевым партийной мобилизации для поднятия сельского хозяйства.

Жутко читать в советской печати, до какой нищеты довели большевики Вологодскую область, славившуюся при монархии своим льноводством, маслоделанием и сыроварением. В этом виноват не севший теперь, через неделю после своего «триумфа» на трибуне при прохождении манифестации Семин, жалкий выкорыш Сталина и Маленкова, а коммунистическая диктатура. При паре тот же Семин был бы проворным мастером льняной фабрики или хорошим сыроваром и маслоделом. Как черти в аду, коммунистические заправилы не только терзают согрешивший в 1917 г. против Бога и Царя народ, но и сами поджариваются на партийной сковородке, особенно при подготовке партийного съезда.

Но наибольшей сенсацией явилось сообщение 22 ноября о показательном процессе чекистов, состоявшемся в сентябре в Тбилиси, якобы при открытых дверях, под аплодисменты публики, но о котором молчала два месяца вся печать, поведаящая о нем только теперь, когда, после отказа Ворошилова в помиловании, расстреляны все шесть осужденных на казнь из 8 подсудимых. Видимо, в суде были зрителями лишь руководящие партийцы, обязанные молчать о нем, что называется на партийном жаргоне «открытым процессом», как советские выборы — «свободными» выборами.

Этот суд не был доверен судебным органам Грузии, даже ее Верховному Суду. Судить бывших грузинских министров приехала Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе: председателя генерал-лейтенанта Юстиции Шевцова и членов полковников юстиции Остромина и Гологоева. Обвинение поддерживал генеральный прокурор СССР Ал. Р. Руденко, советский обвинитель на скам дальнем Нюрнбергском процессе, орамовившийся своим появлением в качестве лжесвидетеля на Париж-

ском процессе Кравченко. Защитниками выступали приехавшие из Москвы адвокаты: Ставригов, Зверев, Галкин, Апраксин, Сталинков, Гоголев и Зорин.

На этом процессе в грузинской столице грузины сидели только на скамье подсудимых; судили следующих коммунистов:

1. Рабава, б. зам. Наркома, потом Нарком Внутренних Дел Грузии,
2. Церетелли, б. зам. Наркома Внутренних Дел, с 1948 г. Министр Внутренних Дел Грузии, арестованный после падения Берия,
3. Рухадзе, б. Нач. Следственного Отдела НКВД Грузии, с 1949 года Министр Государственной Безопасности.

Затем четырех уполномоченных Секретно-Оперативного Управления НКВД, а потом Министерства Гос. Безопасности: грузина Хазани, армянина Кристьяна, русского Парамонова и поляка Ставицкого. Восьмым подсудимым оказался темный информатор НКВД-МГБ неведомый грузин Надария.

Все они обвинялись в том, что по директивам Берия сочиняли ложные доносы на честных руководителей партии и правительства, путем пыток вынуждали у арестованных вымышленные «чистосердечные» признания, на основании которых потом расстреливали этих вождей по заданиям изменника и агента иностранных империалистов Берия. Все это весьма правдоподобно (кроме «измены» Берия) в период до 1935 г., когда Берия возглавлял в Тбилиси НКВД и с 1938 г., когда он возглавлял его в Москве. В промежуток 1935-38 г. г. он был секретарем Закавказского Крайкома партии и НКВД непосредственно не руководил, что доказывает вздорность следующих обвинений: подсудимые собирали в 1935-36 г. г. компрометирующий материал против Серго Орджоникидзе и после его смерти преследовали его семью и его самых близких друзей, занимавших ответственные посты в партии и правительстве.

Напомним, что Орджоникидзе (честный фанатик, каких мало в партии), будучи во главе ЦКК, не давал Сталину физически расправляться со своими личными врагами, соглашаясь на их смешение с руководящих постов: вспомним его восклицание на первые обвинения Бухарина: «это Бухарчик, наш дорогой Бухарчик! Мы его в обиду не дадим!» Когда в 1930 г. его Сталин решил перевести с этого неудобного для Сталина поста на пост Наркома Тяжелой Промышленности, под его надежной защитой нашли приют все личные враги Сталина, начиная с зам. Наркома Ю. В. Пятакова, Богуславского, Дробниса; работая в годы моей ссылки в Сибири, я встречал десятки крупных троцкистов, бухаринцев и даже меньшевиков, которые занимали руководящие посты в стройках первых пятилеток и получали то же прекрасное снабжение, как и американские «советники».

Орджоникидзе каждый раз выступал за арестованных Ежовым, по приказу Сталина, своих сотрудников, что не позволяло поставить показательный процесс. После ареста его любимца Юрия Пятакова, Орджоникидзе «скоропостижно» скончался в ноябре 1936 года в Москве, после чего над его друзьями Сталин устроил «процесс объединенного троцкистского центра» в январе 1937 года. Если кто погубил друзей Орджоникидзе и темными интригами довел до гроба самого Серго, то это были Ста-

лин и Ежов, а не сочинявший в это время в Тбилиси ложную апологию Сталина, секретарь Закавказского Крайкома Берия, который якобы «нашел» в давно уже обследованных архивах Тифлисского Жандармского Управления документы 1901-1902 г. г. о том, что Джугашвили был главным «вождем» всех большевистских организаций Баку, Тифлисса и Батума одновременно. Отметим, что советский титул «вождя» выдуман Берия и не употреблялся в жандармских донесениях. В 1936 г. Берия подделывал историю в угоду Сталину. Сталин подкапывался под Серго и терзал пытками его друзей. Значит, сейчас судили сообщников во всем не Берия, а Сталина! Следующее обвинение: фальсификация показательного процесса летом 1937 года против председателя Закавказского Совнаркома в 1923-36 г. г. Мамия Орахелашвили, его жены — Наркома Просвещения Грузии Марии Орахелашвили и директора Закавказского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина Бегия, которые «сознались» в подготовке покушения на Сталина и были за это расстреляны. На самом деле они полатились за то, что в своих воспоминаниях о первых годах подпольной большевистской организации честно рассказывали, что в 1898-1902 г. г. юный Джугашвили играл естественно незначительную роль, а руководили более старшие коммунисты: Курнатовский, Калинин, братья Енукидзе, Цхакая и др.

Если нынешние подсудимые их тогда, в 1937 г., в Тбилиси пытали, а потом расстреляли, то это было по личному приказанию Сталина, обозленного тем, что их книги и рассказы мешали сочинению Сталинского мифа, о котором сложена остроумная эпитафия:

Маркс был рад, что он родился,
Энгельс им всегда гордился
И сам товарищ Ленин,
Припадая на колени,
Восклипал: как гениален
И велик товарищ Сталин!

Теперь полатились Сталинские палачи. Суд приговорил к расстрелу Рабаву, Церетелли, Рухадзе, Ставицкого, Кристьяна и Казани; Парамонова к 20 годам заключения и Надария — к 10 годам. Через 2 месяца, проведенных в одиночках смертников, все шестеро расстреляны 21 ноября.

Этот процесс дает основание сделать следующие выводы:

1) во всех слоях русского народа растет ненависть к партии и правительству, что побуждает Кагановича, фактически правящего страной, пока Хрущев и Булганин валяют дурака в Белграде, Женеве, восточном Берлине, по городам Индии, отводить народный гнев на «козлов отпущения», какими выбраны в данном случае 6 «робких грузин».

2) когда голод, нужда, разруха в Горьком и Вологде стали нестерпимыми, то он послал нового секретаря ЦК Аристова расправиться с местными сатрапами, чтобы представить этих «стрелочников» виновниками опозданий и крушений поезда коммунистической революции на ее 38-м перегоне по гнилым шпалам марксизма.

3) Но ненависть всего народа сосредоточена на проклятом Сталине, который в 1935-38 г. г. набрал в НКВД вместо прежних евреев: Трилиссера, Ягоды, Бермана, Раппопорта, Когана, Дерябаса, Уншлихта — грузин: Берия, Гоголидзе, Деканозова, Рабаву, Рухадзе и других. Поэтому Каганович решил, что их расстрел

встретит всеобщее одобрение в партийных низовых организациях, которые скоро начнут выбирать делегатов на XX партийный съезд.

4) Во время чисток и сталинских расправ многие партийцы вынуждены были приветствовать гибель своих близких; сам Каганович не смог (или не захотел, чтоб себя не компрометировать в глазах Сталина) заступиться за своего шурина зам. Наркома Путей Сообщения Лифшица. Теперь многие партийцы порадуются процессу, который реабилитирует не только Орджоникидзе, но и врагов Сталина: Орахелашвили и Бегия.

5) За этим процессом могут последовать расправы с другими сталинскими последышами и на этом пути трудно остановиться; после смерти Сталина были расстреляны в 1953 г. Берия, Деканозов и Меркулов и исчез без суда Поскребышев; ровно через год — Абакумов, еще через год Рабава, Рухадзе и Церетелли. Кто следующий?

Рост влияния Кагановича подтверждается еще одним мелким фактом: в день сообщения о расстреле шести грузинских чекистов сообщается о присвоении одной из станций Московского метро имени Кагановича. Самому метро по случаю 20 годовщины его открытия присвоено имя Ленина, как и открытому 16 ноября (не поспели-таки к празднику!) Ленинградскому метро. За последнее получили орден Ленина 22 человека: секретарь Обкома Ф. Р. Козлов, секретарь горкома И. К. Замчевский, Нач. стройки К. А. Кузнецов, главный инженер Д. И. Большаков, проходчики, слесаря, штукатуры: 82 чел. получили орден «Красного Знамени», 205 — «Знак Почета»: 309 — медаль «За трудовую доблесть»; 380 — «За трудовое отличие».

18 ноября в Московском музее имени М. И. Калинина скромно ознаменовано 80-летие со дня его рождения. Не было ни одного министра СССР, ни члена ЦК. Председательствовала мин. культуры РСФСР Татьяна Мих. Зуева; в присутствии его вдовы, сына и дочерей и внучки выступали старейшие, забытые его сверстники: секретарь ЦК в 1917-18 г. г. 80-летняя Елена Дмитриевна Стасова, реабилитированный в прошлом б. украинский «староста» Григ. Алекс. Петровский (в честь которого назван Днепропетровском Екатеринослав) и зав. приемной М. И. Калинина П. А. Савельев. 20 ноября ему открыт памятник в Ленинграде.

Только что получено советское радиосообщение, что суд приговорил к пяти годам ссылки добровольно явившегося с повинной члена антисоветской организации Адама Матвеевича Новикова. Он в 1942 году был увезен немцами в Германию, после войны эмигрировал в Марокко, там примкнул к русской антисоветской организации, прошел ее курсы в одном из городов Западной Германии и недавно был сброшен на парашюте для подрывной работы в родной Белоруссии. Прочитав указ об амнистии от 17 сентября, он, якобы, явился добровольно с повинной, сдал оружие, валюту и радио-аппарат и, согласно указу, получил самое легкое наказание — 5 лет ссылки. Если это все верно, то забавно такими сообщениями заманивать людей в ловушку, чтоб их трепать два месяца (сентябрь-ноябрь в данном случае) по тюрьмам и конвейерным допросам, а потом награждать ссылкой.

Алексей Ростов

(Продолжение — 28)

Правое веко на глазу агента удивленно приподнялось и вид его стал менее ленивым и сонным.

— Спал? — переспросил он. — Откуда знаете?

— По глазам вижу. — ответил Холмин.

— Ага. Спал, — подтвердил Ковалев и добавил:

— Но скучно.

— То-есть?

— Стоять. Так. Здесь.

— Я вас долго не задержу. Скажите, кто этот убитый?

— Заключенный.

— Как узнали?

— Нитки.

Холмин наклонился над трупом.

— Да, конечно. Тюремное шитье.

— И грязь, — добавил агент.

— Какая? — спросил Холмин.

— Камерная.

— Грязь на нем, положим, разная. Хотя вот здесь и здесь несомненно камерная.

— Вам знакомая. Очень.

— Почему?! — воскликнул Холмин с удивлением.

— Были в тюрьме.

— Кто вам сказал?

— Никто. По глазам вижу.

Холмин улыбнулся.

— Кажется мы понимаем друг друга без слов.

— Точно, — ухмыльнувшись подтвердил Ковалев. — Оба агенты. По уголовным делам.

— Знаете меня?

— Догадался. Вы — Холмин. «Руку» ищите. Здесь не найдете?

— Я здесь и не ищу. Просто захотелось временно отвлечься от ее поисков. И познакомиться с этим незаурядным преступлением... Скажите, почему сожгли лицо и руки трупа?

— Ясно. Хотели скрыть.

— Что?

— Лицо. Отпечатки пальцев.

— Убитого?

Михаил Бойков

Рука майора Громова

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Да. И следы.

— Чьи?

— Убийцы. Это бывает. Часто.

— Вы, конечно, правы, — сказал Холмин.

— Иных объяснений быть не может. А следов убийцы не нашли?

— Пока нет.

— Можете показать мне место, где был обнаружен труп? Это не займет много времени. Мы поедем туда в автомобиле.

— Пожалуйста. С удовольствием. Вы — мой коллега. Только...

— Что?

— Если начальник разрешит...

ГЛАВА 9

ПУГОВИЦА

Начальник Уголовного Розыска, хотя и очень неохотно, но все же разрешил «использовать требующегося отделу НКВД работника для выполнения срочного оперативного задания» и, через четверть часа, два агента подъехали к железнодорожной насыпи в шести километрах от города.

— Дальше пешком. Через дорогу. В лес, — сказал Ковалев Холмину.

— Далеко это? — спросил подневольный детектив.

— Нет. Полсотни метров. Не больше, — ответил агент Уголовного розыска.

Он, прихрамывая, пошел вперед, Холмин — за ним. Пройдя метров десять вдоль железной дороги, они свернули направо, пересекли рельсы и углубились в молодой и низкорослый, но

густой дубовый лес, начинавшийся прямо от насыпи и отделенный от нее лишь канавой в полметра глубиной и около метра в ширину. Никакой тропинки не было и приходилось прорываться через кусты. Ковалев на ходу бросал короткие, отрывистые замечания, знакомя Холмина с обстановкой преступления; свои объяснения он начал с насыпи, указав пальцем на нее:

— Здесь человека сбросили с поезда. Вот углубление в насыпи. Здесь соскочил второй. Вот его следы. Глубокие. От прыжка. Вот борозда. Еле заметна. И кусты обломаны. Второй тащил первого. Волочил по земле...

Через несколько минут ходьбы Ковалев остановился и, раздвинув кусты, сказал:

— Там костер. Остатки его. Развел убийца. Положил труп. Сжег лицо и пальцы.

— Вы говорите: труп, — перебил Холмин. — Значит, по-вашему, человек был убит в поезде?

— Да. Никаких следов борьбы на насыпи нет, — ответил Ковалев.

— Убиваемый мог и не сопротивляться, — возразил Холмин.

— Мог, — согласился Ковалев. — Но не двинулся. На насыпи. Куда упал.

— Вы судите об этом по форме впадины на насыпи?

— Не только.

— Что же еще?

— Нет других следов.

— Но ведь он мог разбиться при падении и умереть.

— Это исключается. Он был задушен. Медицинская экспертиза установила.

— А эксперты у вас хорошие?

— Не плохие. Опытные...

Они подошли вплотную к остаткам костра. Эти остатки были такими, какие часто можно встретить везде: полубогоревший хворост, уголь, зола, пепел. Ничто не указывало здесь на страшное предназначение костра. Рассматривая его, Холмин спросил Ковалева:

— Куда пошел отсюда убийца? Как вы думаете?

О другом немецком философе Гердере, проф. Випперт пишет: невнимательный к настоящему, философ так же глубоко ошибся и в отношении ближайшего будущего («Круговорот истории», стр. 36). Предсказания самого проф. Випперта «в отношении ближайшего будущего» я уже приводил: они никак не лучше гегелевских и гердеровских. Что же касается предсказаний В. Соловьева — то это именно он был автором теории желтой опасности.

Вы видите: от самых завалающих зауряд-профессоров, до самых вершин человеческой мысли — люди городят вздор. Этот вздор кажется достаточно складным, пока он находится вне какой бы то ни было проверки. Но как только наступает момент проверки фактами — реальностью живой жизни — все — все философско-научные, историко-социологические конструкции рушатся, как карточные домики, неумело построенные из крапленых карт. Все оказывается вздором. Творец философии истории — Гегель, оказывается, не видал ничего дальше собственного носа, да и на этой дистанции, может быть, тоже не видал ничего. Специалист по истории Европы городит форменный вздор относительно самого близкого будущего. Специалист по истории французской революции и русской революции пишет «достаточно ясно», что русская революция избежит судьбы французской — взаимостребления ее вождей. Специалист по социологии, судорожно цепляясь за свои цитаты, не хочет видеть того, что уже совершилось: победоносного хода европейского социализма. Германский специалист по русской истории (проф. Шиман), на самом пороге полного разгрома Германии, пророчествует о «великолепном будущем». Десятью три самых крупных ученых Германии — самой ученой в мире страны — накануне того же разгрома, обращаются ко всему человечеству с утверждением о неотвратимости германской победы. В ся книжная, цитатная, ученая русская интеллигенция сто лет роет яму и себе и русскому народу и все сто лет пребывает в полной уверенности в том, что именно она, ученая интеллигенция, всеми четырьмя своими копытами стоит на незыблемой платформе «теории науки». Что же это такое?

ВОПРОС О ПРЕДВИДЕНИИ

Вы видите: траектория тяжелых снарядов философско-научной артиллерии отклоняется от цели под углом в сто восемь-

— как писал в те времена проф. Шиман. Угол ошибки равнялся ста восьмидесяти градусам.

В России:

В области гуманитарных наук Россия стояла на одном из последних мест мира, но русская интеллигенция была самой образованной интеллигенцией мира — образованнее даже и германской. В течение по меньшей мере ста лет, начиная, примерно, с Белинского, с его маратовской любовью к человечеству, интеллигенция эта работала для социалистической революции — десятки тысяч томов были списаны с немецких источников*); десятки томов были посвящены собственным конструкциям колхозов, партии, чрезвычайке и вообще социализации и национализации. Сотысячные стада русской интеллигенции ходили на водопой то к Гегелю, то к Канту, то к Руссо, то к Марксу. Они зубрили истории всех революций мира. И они готовили собственную — величайшую в истории мира. И, вот, эта величайшая припала.

Русская профессура оказалась глупее даже и германской. Германскую, все-таки, разбили в р а г и, русскую расстреляли или выгнали вон ее же собственное детище — ее же ученики, питомцы и последователи. Германская профессура сидит, все-таки, дома и никто ее по подвалам не таскает — русская бежала на чужбину, или погибла на родине трудящихся всего мира. У германской есть, все-таки, некое философское убежище: е с л и б ы не Розенберг, с его восточным министерством, — мы бы в с е - т а к и выиграли войну. У русской нет даже и такого убежища. У проф. Люмана остался хоть его участок — если даже вилла и разбита. У русского профессора Бердяева не осталось ничего, кроме органов усидчивости, которые он кое-как унес из пожара, зажженного им самим. Здесь провал полный, абсолютный, стопроцентный. Провал, после которого, при малейшем запаса совести и совестливости, надо бы надеть покаянное рубище, пойти в Каноссу и заняться там подметанием уборных.

*) «Положить на стол диссертацию русского профессора и определить: из скольких немецких лоскутков она сшита», — так издевался В. Розанов над научными подвигами русской профессуры. («Опавшие Листья», 203).

Агент пожал плечами.

— Пока не знаю. Следов не сохранилось. Смысл дождь. Я искал. Смотрел. Нет.

— Но ведь они сохранились на насыпи.

— Другая почва. Мягкая. Песок. Щебень. Здесь твердая. Чернозем.

— Собаку-ищейку не пробовали?

— Бесполезно. Запах улетучился. Давно.

Холмин обошел костер вокруг, надеясь найти какой-нибудь, хоть самый незначительный, самый малозаметный след. Но его поиски были тщетны. Следы убийцы дождь и время стерли. Холмин хотел уже бросить отыскивание следов, но вдруг, под лучами пробившегося сквозь густые вершины дубов полуденного солнца, в полутора метрах от костра, среди слежавшихся прошлогодних листьев, что-то тускло блеснуло. Он разгреб листья ногами.

— Что вы нашли? — быстро захромал к нему Ковалев.

Холмин поднял находку и, разглядывая ее, ответил:

— Пуговицу.

— Дайте посмотреть.

Холмин подал ему маленькую, медную, слегка позеленевшую пуговицу. Взглянув на нее агент ахнул, медленно бледнея:

— Ах, чтоб их... Дело осложняется. Пуговка работника НКВД. С хлястика шинели.

— Что же тут особенного? — удивился Холмин. — Ведь сюда, на место происшествия, приезжали энкаведисты?

— Во время следствия — нет. Ни один, — возразил агент. — До этого. Или после. Могли. Скверное дело. Опасное. Замешаны работники НКВД. Пуговка потеряна недавно. Едва позеленела. Нехорошо.

— Разве не все равно, кто замешан в этом уголовном деле? — напустив на себя вид простака, спросил Холмин.

Ковалев отчаянно замахал на него руками.

— Конечно, нет! Связаться с работниками НКВД? Что вы, что вы? Посадка в тюрьму обеспечена. А я не хочу. Уже сидел. Хватит.

Веко на его глазу поднялось совсем, вся лень, безразличие и расхлябанность мгновенно

слетели с лица и фигуры, он окинул Холмина внимательным испытующим взглядом и нерешительно сказал:

— Есть просьба. К вам. Большая. Как к товарищу, по работе.

— Какая просьба? — спросил Холмин.

От волнения Ковалев стал более многословным:

— Возьмите это темное дело на себя. Вам все равно. Такими делами вы уже занимаетесь, а я боюсь. Мало чего в жизни боялся, но в тюрьму сесть боюсь. Выручите меня, пожалуйста.

— Позвольте. — перебил Холмин взволнованного агента. — Как же я за это дело возьмусь? Оно в ведении Уголовного Розыска. И потом я другим занят.

— Вы только согласитесь, а остальное я все улажу, — не слушая его, настаивал Ковалев. — Ну, что вам стоит? Одним делом больше. А я вам и след дам. Нашел в кармане убитого. От вас хотел утаить, а теперь — берите.

Он торопливо вытащил из кармана бумажник и, достав оттуда сложенный вдвое небольшой листок тонкой, почти папиросной бумаги, протянул его Холмину. Тот развернул бумажку и в первый момент не поверил своим глазам. На ней фиолетовыми буквами пишущей машинкой было напечатано:

«Обвинительное заключение по делу гражданина Беларского, Андрея Николаевича».

Дальше следовало перечисленные параграфов 58-й статьи и общие многословные фразы обвинения в обычном стиле энкаведистов. Нижняя часть листка, — больше половины его, — была оборвана.

— Беларский! — воскликнул пораженный Холмин. — Вы знаете, кто он?

— Нет, — ответил Ковалев.

— Это заместитель майора Громова, осужденный по его делу. Я его искал.

— Вот как. Значит, специально для вас. Так беретесь за это дело?

— Конечно. Большое вам спасибо.

Вот и хорошо. И отлично, — обрадовался Ковалев. — У меня, как гора с плеч. И пуго-

вицу эту берите. Вещественное доказательство. Пригодится.

— Здесь нам делать больше нечего, — сказал Холмин. — Поедем обратно?

— И поскорее, — заторопился Ковалев.

— Тем более, что погода меняется, а у меня поджачишко — сами видите...

Действительно погода быстро менялась, как иногда бывает летом в тех степных местах. С севера подул холодный резкий ветер и небо сразу покрылось тучами. Начал накрапывать дождь.

Два агента поспешно пошли из леса к автомобилю...

*

В отдел НКВД Холмин явился торжествующий.

— Чего сияешь, браток, как начищенные поручни трапа? — спросил его Гундосов. — Рад, что на обгорелого мертвеца насмотрелся?

— Очень. И не только этому, — ответил Холмин.

— Чему же еще? По-моему больше нечему. Скорее плакать нужно, — угрюмо прогудел Бадмаев.

— Я нашел Беларского!

— Не может быть!...

Холмин рассказал им о своем неожиданном успехе. Выслушав его, Бадмаев спросил:

— А записка? Опять есть?

— На этот раз не было, — сразу поняв о какой записке идет речь, ответил Холмин.

— Она могла стореть, — заметил Гундосов.

— Но булавки не было тоже. Я внимательно осмотрел труп.

— Значит, он убит не «рукой»?

— Возможно. Но я в этом не уверен.

— Зачем же, браток, было «руке» убивать Беларского? Ведь он и майор Громов вроде, как дружили.

— Во время следствия могли стать врагами.

— Через почему?

(Продолжение следует)

Но русская профессура рубища не надела, в Каноссу не пошла и уборных, к сожалению, не подметает. Она продолжает пророчествовать. Она продолжает давать научные прогнозы.

М. Алданов является наиболее интересным русским писателем современности — по крайней мере, после смерти Горького, — Бунин это, все-таки, второй сорт. М. Алданов пишет блестяще и его эрудиция, цинизм, чудовищность. В одной из своих книг: «Юность Петра Строганова» (стр. 186) М. Алданов говорит:

«Достаточно ясно, что Рыкова, Каменева, Зиновьева и Бухарина Сталин не расстреляет».

«Достаточно ясно». Сталин расстрелял, как раз: и Рыкова, и Каменева, и Зиновьева, и Бухарина.

Проф. Р. Вишперт является крупнейшим русским авторитетом в истории Западной Европы — это по его учебникам эту историю зубрили русские студенты и это его тома красуются в каждой уважающей себя библиотеке. В 1928 г. появилась его книга: «Круговорот Истории». Там он на стр. 29 дает сводку своих прогнозов относительно ближайшей истории Европы:

«Новый взрыв империализма на западе невозможен. Немыслимо провести мобилизацию вроде 1914-15 годов. Вероятно, всеобщую воинскую повинность придется отменить... Служить в качестве повинности не захотят не только рабочие, но и остальные классы».

Как видите: ровно сто восемьдесят градусов.

Проф. П. Милюков восторженно приветствовал бескровность русской революции. Проф. Новгородцев почти в то же время предсказывал окончательную гибель социализма.

Капитальный труд проф. Новгородцева — одной из крупнейших величин нашей социологии — был впервые напечатан в журнале — «Вопросы философии и психологии», потом, уже во время революции, вышел двумя отдельными томами. Эта книга, совершенно исключительная по своему интересу — читать ее, конечно, нет никакого смысла. Интерес же заключается в прогнозах самого выдающегося русского специалиста по социологии. Прогнозы очень просты: социализм умирает. Бердяев, Струве, Лассаль, Лабриола и прочие и прочие «сменили вехи», — одни отошли от ортодоксального социализма, другие ушли от социализма вообще. То, что

осталось, раздробилось на массу социалистических сект, пропитанных ненавистью друг к другу.

Все это доказывается черным по белому: цитатами. И все цитаты — подлинные. И выводы из этих цитат — последовательны и логичны. Вопросы же о том, что человеческая жизнь цитатами не ограничивается — профессору Новгородцеву и в голову не пришло.

Однако, самое интересное начинается дальше. Книга проф. Новгородцева была переиздана в Берлине в 1923 году — уже в эмиграции. В это время в России утвердилась одна социалистическая республика — советская и в Германии другая социалистическая республика — веймарская. В Италии пришел к власти Муссолини — тогда социалист-интернационалист; в Польше — Пилсудский, член польской социалистической партии; во Франции сколачивались силы «народного фронта» — вся Европа была на пути к ее сегодняшнему положению. И к беженскому изданию книги профессор дает предисловие: он не находит нужным вносить какие бы то ни было поправки в это издание, ибо все его положения правильны, ибо он следовал единственному возможному истинно научному методу работы. Точка.

Еще один пример. Самый выдающийся философ России В. Соловьев писал о самом выдающемся философе мира — Гегеле (статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона):

«Нельзя было, конечно, требовать, чтобы Гегель, хотя и претендовавший на абсолютное знание (курсив мой. П. С.), предсказывал будущие исторические события... но по праву можно было ожидать, что гегелева философия истории оставит место для будущего, в особенности для будущего развития таких явлений, важность которых уже отчасти обозначилась при жизни философа. Но в то время, как современник Гегеля граф Красинский, силой поэтического вдохновения, предугадал и с поразительной точностью и яркостью нарисовал картину Парижской Коммуны и нынешнего анархизма (в своей «Небожественной комедии») — в философии Гегеля не оставлено ни как оного места ни для социализма, ни для национальных движений нынешнего века, ни для России, ни для славянства».

Н. Жигулев

Да здравствует убийство!

«Сатана там правит бал!..»

Если бы камни имели голос, они закричали бы предсмертным воплем...

Если бы деревья могли видеть, они посохли бы от той ПРАВДЫ, которую преподнес современному человечеству Юрий Марголин в своей книге «Путешествие в страну Зэ-Ка», в которой он, день за днем, месяц за месяцем, год за годом показал ДОРОГУ К СМЕРТИ миллионов советских рабов, находящихся в коммунистических концентрационных лагерях, разбросанных по всей шире Советского Союза. Но, люди созданные по образу и подобию самого Творца Вселенной, имеющие сердце, разум, слух, зрение, обладающие гуманными чувствами, отнеслись с полнейшим равнодушием к этой ПРАВДЕ.

Книгу свою Марголин писал:

... против угнетения, против страшного зла, против великой несправедливости. Но это определение недостаточно. Она прежде всего написана в з а щ и т у. В защиту миллионов заживо похороненных, страдающих и подавленных людей. В защиту тех, кто сегодня еще жив, а завтра, может быть, уже мертв. В защиту тех, кто сегодня еще свободен, а завтра может разделить участь похороненных заживо.

На основании пятилетнего опыта, я утверждаю, что советское правительство, пользуясь специфическими территориальными и политическими условиями, создало в своей стране ад, царство рабов за колючей прово-

локой, недоступное контролю общественного мнения мира».

Призыв автора к совести мира, остался без ответа. Общественность промолчала. Промолчали политические деятели, ратующие о благе и свободе для всего человечества. Промолчали люди науки, разрабатывающие новые проблемы для переустройства всего мира. Не откликнулась в общем протесте и вся наша пресса... Промолчали и те, в чьих руках находится судьба всего демократического мира. Предсмертные голоса миллионов, находящихся в советских лагерях, прокричавшие на весь свет в словах Ю. Марголина, — остались без ответа.

За столами, покрытыми зеленым сукном в Женеве, Нью Йорке, Сан Франциско, Париже решается судьба пленных людей. Там, протесты, жалобы, мольбы закабаленных невольников, жуткие карты концлагерей в СССР, вещественные доказательства о «геноциде» в стране «коммунизма» — заменили пакты, договоры, обязательства о «сосуществовании», о «дружбе», о «мире» — между тиранами и демократами.

Там, под звон хрустальных бокалов с советским шампанским, под чавканье советской икры и балыка, под тосты и улыбочки «великих» мира сего, хоронятся последние надежды на освобождение поляков, украинцев, русских, болгар, румын, чехословаков и многих иных народностей.

«Куда ни ткнуть пальцем на карте — везде находятся «Лаги» — на Новой Земле, Колыме, Камчатке, на Кавказе, под Москвой, на Алтае и на берегах Тихого океана...»

«Люди серо-мышиного цвета. Все было на них мышино-серое: какне-то кунавейки, долгополые лохмотья, на ногах бесформенные опорки на босу ногу, на головах серо-мышиные ушанки... И лица также были серо-мышиные, землистого оттенка — и все они были точно засыпаны пылью... кого здесь только не было? Узбеки, поляки, китайцы, украинцы, и грузины, татары и немцы...»

«Остальная территория лагеря — топкая болотная низина, откуда тянет гнилью и слышно, как стонут жабы... Летом после дождя, а весной и осенью эта часть лагеря представляет собой непролазное болото...»

«Трагедия многолетнего пребывания в лагере для женщины больше, чем для мужчины, т. к. за 10 лет ее срока пройдет ее цветение и она потеряет не только здоровье, но и молодость... Лагерь где 10-15 миллионов человек проводят долгие годы — осуждают их на бесплодность, на суррогаты чувства, мужчин на разврат, женщин на проституцию. В нормальных условиях эти люди давали бы жизнь ежегодно сотням тысяч детей. В ЛАГЕРЯХ СОВЕРШАЕТСЯ ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДЕТОУБИЙСТВО МИРА...»

«Молодые девушки, попадающие в лагерь, в среду проститутки, воровки, бандитки и уроки — беззащитны, и лучшее, что они могут сделать — это найти себе поскорее покровителя. Терять им нечего. Через 10 лет пребывания в лагере, они и так обра-

тятся в развалины, в затасканное человеческое отребье. Забеременевших отправляют в особые лагеря... Детей у них отбирает государство».

«Чувство собственного достоинства — этот хрупкий и поздний плод европейской культуры — вытрапывается из лагерника и растаптывается еще до того, как его привезли в лагерь... Государство всей огромной силой власти организованного общества — раздавило его без вины, без основания — не наказало, не изгнало за грех, а просто надругалось над ним...»

Творцам этой античеловеческой системы, превратившим свою страну в сплошной концентрационный лагерь, ныне за Женевским столом мистеры из Англии, Франции и Америки пожимают руки, скрепляют совместно с ними договоры, решают жизнь народов света.

«Каждая работа в советском лагере нормирована немилосердно, из расчета на полное использование сил здорового русского мужика. Чем легче работа, тем больше норма. В последнем счете все работы были равны и сводились к эксплуатации до последних пределов физической силы и выносливости... Чем больше мы голодали, тем хуже работали. Чем хуже работали, тем больше голодали. Из этого порочного круга не было выхода».

«Вид азиатских бригад наводил ужас. Чудовищно грязные, звероподобные люди, с головами, обвязанными грязными тряпками, остатки вымерших в лагере поколений, с непомятой речью, одичавшие до пещерного состояния, они работали нечеловечески...»

«Пневмидам принудительного труда не засчитывают их бывших рекордов. Как выжатый лимон выбрасывают их в самый дальний угол огромной свалки, где копошатся миллионы «доходят»...

«В ту зиму стояли лютые морозы, деревья трещали в лесу, синели губы и кровь останавливалась в жилах... С каждым днем росло число «доходят» на лагункте. Сквозь щели в бревнах и окнах ветер наваливал снег внутрь бараков. Мы спали на голых досках, подложив бумплаты, в которых работали днем... Просыпаясь утром, я видел голову спящего соседа в снегу: снег засыпал ему нос и был на ушной шапке, в которой он спал...»

«Если бы я попал в руки китайских хунхузов или негров «ниам-ниам», у меня была бы надежда откупиться за деньги. Но, я был в руках великой державы, к которой никто не смел подступиться, которая построила 10.000 лагерей и гноила в них людей в тайне, в глубочайшем секрете от всего мира. Я задыхался от чудовищной неправдоподобности, от кошмарной нелепости, от нечеловеческой подлости того, что происходило со мной и с миллионами таких, как я. Я предвидел, что это слишком страшно, чтобы кто-нибудь на белом свете мог поверить этому впоследствии. Это слишком далеко от них, от благополучных американцев и невинных швейцарцев, от демократов всех классов, народов и партий, которые решили легкомысленно, что фашизм и Гитлер есть единствен-

ная причина всех несчастий...»

«Нельзя было задавать такого вопроса — За что?... Камень раздробленный в щебень, по которому проходит тяжелый вал ценовой машины, не больше может спрашивать — За что? Мы больше не были людьми с индивидуальным обликом и особой судьбой. Мы были цифрами в массе, один как другой, и все вместе — окаменелой, обледенелой поверхностью, по которой шел вперед советский танк, по головам и шеем, по спинам, по телам, по раздробленным в щебень человеческим существованием. Миллионы людей погибают в советских лагерях. Их слишком много, чтобы можно было поставить вопрос «за что?». Столько виновных нет во всем мире. Но остается еще вопрос «Зачем?»...

— За что?...

— Зачем?...

Несутся по миру голоса с угольных карьеров, непроходимой тайги Сибири, из ущелий гор, с сурового Севера и знойного Юга, из дощатых бараков, занесенных снегом, из колхозов... Несутся из тюрем Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польши...

Несутся со всех хуторов, деревень, городов, всего СССР.

Весь мир наводнен вопросами:

— Зачем?

— За что?...

Только в одном месте, за круглым столом свободной страны Швейцарии, за которым собралась вершители судеб человечества, не слышат этих голосов. Там, Европа вместе с кремлевскими деспотами своими договорами узаконяет современное рабство на одной шестой части земной территории.

«В немецком лагере смерти оторвали дочь от матери и пристрелили на месте. И мать пошла дальше, только на губах ее была улыбка: уже не от мира сего, улыбка сумасшедшей».

«В советских лагерях нет этих ужасов, но сами они — целиком ужас, нечто невероятное своей деловитостью, прочной хозяйственностью, организованностью, преступлением государства над маленьким человеком. И советские лагеря полны людей, которые внешне в порядке, идут в общем строю, — но внутри у них нет живого места... Все их существо искажено глумительской гримасой пинизма, и они не находят в мире ничего, на что они могли бы опереться. Скажите им: Сталин, человечество, социализм, демократия. Они улыбаются, как та мать, у которой на глазах расстреляли дитя».

«Надо сказать ясно, что вне пределов досягаемости общественного мнения мира происходит по ту сторону советской границы небывалая в истории человечества расправа, небывалый погром душ, небывалая казнь человеческих сердец. То, что происходит с погромленными людьми, нельзя назвать даже трагедией — настолько это лишено всякого смысла и оправдания».

«Люди, умиравшие в газовых камерах немцев, знали умирая, что мир поднялся против этих палачей, и это было их утешением. Но люди в лагерях не имеют и этого утешения, которое могло бы снизить страшное внутреннее давление, под которым они живут — мысли о том, что их судь-

Розыски

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией «Нашей Страны» или ее представителями на местах.

Разыскиваю братьев Филата Лукича и Прокопа Лукича С л ю с а р ь, эмигрировавших в 1920 году. Оба — казаки ст. Поповичской Кубанской области, бывшие летчики. Просьба сообщить об их судьбе по адресу: Caixa Postal 10657, Sao Paulo, Brasil, для Ивана.

Николая Михайловича И г н а т о в а из Екатеринодара разыскивает Б. П. С о к о л о в. Знающих что-либо о нем просят сообщить по адресу: 51. Main st. York. Adelaide South Australia

Вячеслава Владимировича М а л и н к о разыскивает инж. П. П. Я к о в л е в. Писать по адресу: Mrs. M. Kingstone, 11 Wolfe ave, San Rafael, Calif. U.S.A.

Ф о т и е в ы х, мать Варвару Ивановну, вдову генерал-лейтенанта, сестер Надежду и Валентину и брата Николая, проживавших в Кивее, Лукьяновка, Оссиеская 10, разыскивает сын и брат. Лич, знающих о судьбе их, прошу сообщить по адресу:

Sergio Fotieff. Obligado 2130. Bs. Aires. Argentina.

Medida Expeditiva en la Unión Sovietica

Parece que la "diplomacia de las sonrisas" aplicada por los dirigentes soviéticos sólo tienen vigencia en el exterior y que el pueblo ruso vive las mismas incertidumbres de siempre. En efecto, el 22 de noviembre, Radio Tiflis anunció que ese día habían sido ejecutados ante un pelotón de fusilamiento seis de los colaboradores del jefe de la policía secreta, Lavrenti Beria, quien también pagó con la vida las intrigas y las luchas de predominio personal que, según se ve, no tienen solución de continuidad en el Kremlin.

La emisoria se limitó a identificar a los condenados de la siguiente manera: Rokava, ex vicecomisario de Asuntos Internos y luego comisario del Pueblo de Georgia; Rukhadze, ex jefe de la Fiscalía del Departamento del Interior y más tarde ministro de Seguridad de Georgia; Tsereteli, ex vicecomisario de Interior de Georgia; Stakitsky Riani y Kimzani, ex fiscales. También informó que otros dos ex fiscales, llamados Paramonov y Nadarai, fueron condenados a 25 años de cárcel.

Esta última "depuración" tuvo efecto en Georgia, cuna de Beria y Stalin, donde varios millares de personas fueron expulsados del Partido Comunista y docenas cayeron ante los verdugos. Estas represiones sangrientas comenzaron en Georgia en 1953 y durante los años subsiguientes se anunciaron otras. La emisora afirmó que los reos habían sido acusados de "conspirar para apoderarse del poder, de aterroriar a los patriotas dirigentes comunistas y de intentar apoderarse del poder". Como cargos incriminatorios, los señalados no dicen nada nuevo, pero, en cambio, siempre son eficaces para impresionar al pueblo y, de paso, librarse de los opositores molestos. El mundo sigue su marcha de progreso, pero en Rusia la situación no cambia. Allí el apoyo al Gobierno debe ser unánime y las autoridades se cuidan bien de que esto se cumpla al pie de la letra.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «НАШУ СТРАНУ»

ба находит какой-либо отклик в мире».

«Девятый корпус на Котласском перепункте зимой 44-45 г. г. — простой деревянный барак... Неподготовленный человек, войдя в барак, отступил бы в ужасе. Это была больница для 33-ка, но без кроватей! С двух сторон тянулись двойные лощагые нары в два этажа. На каждой наре было место для двоих внизу и двоих наверху. Кубатура была рассчитана на 56 человек, но помещалось 120. В проходе между нарами стояли две печурки с железными трубами. Между ними еще коек 8, сдвинутых по две. Это были доски положенные на козлы. На каждые две койки помещалось трое больных. Здесь, в центре барака, был настоящий корабль смерти. Здесь помещались особо тяжело больные, смертники...»

«Рядом со мной умирал Вася. Это был 20-тилетний мальчик, и срок у него был тоже 20 лет. За какие преступления дали Васе 20 лет? Кого он убил, предал? В

Письмо в редакцию

Уважаемый господин редактор!

Хотя и с большим запозданием, — газета до меня доходит поздно, — но хочу ответить на статью Б. Ширяева «Путь русской веры» в № 284 «Нашей Страны». Б. Ширяев говорит в этой статье, что в рассказе Лескова «Некрещеный поп» иерарх оставил при служении некрещеного священника. Это утверждение поконится на ошибке. «Некрещеный поп» был на самом деле крещен. Для совершения Таинства крещения не обязателен священник. Это единственное Таинство, которое может совершить всякий взрослый христианин. Когда крестная мать «некрещеного попа» везла его к священнику, чтобы крестить, и застряла по дороге в снегу, она сделала талым снегом знак креста на лбу младенца и произнесла: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». — этим она совершила над ним Таинство крещения. Она сама этого не знала. — что простительно. — не знал этого и соседний сельский священник, которому она перед смертью исповедалась, — что простительно. — но иерарх это, конечно, знал. Вот почему он и мог так легко отнестись к факту существования «некрещеного» священника. Если бы священник был в самом деле некрещен, то ни один иерарх, не забывший совершенно послушания воле Божией, не мог бы его так оставить. Наказывать такого священника было, конечно, не за что, не его вина, но его надо было бы немедленно крестить. Крещение — не пустая формальность, но глубочайшее Таинство, установленное Самим Иисусом Христом и совершенно необходимое для нашего спасения. Без Таинства крещения нет христианина. Именно из-за его особой важности оно и может быть совершенно всяким христианином, если обстоятельства почему либо не позволяют позвать священника.

Вообще, следует быть чрезвычайно осторожным по отношению к так называемому «свободному христианству», первый шаг от него ведет обычно к протестантизму, второй — к безверию. Догмы, а тем более Таинства, совсем не являются чем-то мертвым, давящим, чему следует противопоставлять «живую веру», но они-то как раз и есть живой путь

углу нашей палаты лежал 72-летний старик-казахинец, зарубивший в пьяном виде свою жену. Ему дали два года, а Васе двадцать за то, что он подметал у немцев пол...»

Со всех 414 страниц книги Марголина в мир несетесь вопль миллионов рабов заключенных в советских концлагерях:

— За что?

— Зачем?

Зачем истребляются ежедневно тысячи тысяч мирного населения, оторванного от своих семей, с родных мест и согнанных в холодные бараки Сибири?

— За что?...

В ответ, на предсмертные вопли обреченных, президент САСШ поздравляет кремлевских тиранов с 38-летней годовщиной закабаления Российского народа. Мистер Доллес со своими европейскими партнерами договариваются с московскими рабовладельцами о мирном сосуществовании...

Демократический мир шипит новую Хартину. Хартину бесправия человека.

Н. Жигулев

истинной веры и нашего спасения, установленный Самим Господом, по которому идет Церковь, ведомая Духом Святым. В Таинствах мы получаем сверхприродную жизнь, благодать. Догмы ограждают нас от ложных толкований, от впадения в опасные для нашего спасения ошибки. Все догмы — и, если мы в это не верим, то мы уже протестанты, — объявила Церковь, наученная Духом Святым. Дух Святой не может противоречить Самому Себе, а потому противопоставление Духа (Святого) догмам — недопустимо. Догмы также ничуть не лишают христианина свободы, они только сообщают ему необходимую дисциплину духа. Анархия пагубна везде, а анархия духа, тем паче. К сожалению, у нас всегда была известная склонность к анархии.

В. Пирожкова

ОТВЕТ

Г-же В. ПИРОЖКОВОЙ

Госпожа В. Пирожкова совершенно права, указывая на то, что Таинство Святого Крещения по церковным правилам может быть совершено в некоторых оговоренных этими правилами случаях, и не священником. Но она ошибается в том, что Н. С. Лесков, оправдывая в своем рассказе «Некрещеный поп» глубоко христианское решение архиерея, базируется именно на этом каноническом правиле, так как младенец был все-таки крещен везшей его в церковь женщиной. Ошибается она и утверждая, что написавшие донос священники, якобы, не знали этого правила. Ни доносчик-священник, ни тем более благочинный не могли его не знать, а надо предполагать, промолчали о факте крещения по вильной бабкой в своем доносе архиерею. Не могли сказать архиерею об этом и выступившие в защиту «некрещеного попа» мужики, так как сами не знали о факте крещения, да и зная о нем, не придали бы ему значения, так как считали крестившую ведьмой. Следовательно, можно допустить, что и сам архиерей не знал о том, что младенец крещен бабкой, так как ни разу не упомянул об этом при разборе дела, а базировался исключительно на глубоко проникновенных текстах Священного Писания, утверждающих Милость Господню и снисхождение Духа Святого на праведных превыше внешних обрядов. В этом смысле и направленность рассказа Н. С. Лескова «Некрещеный поп», как и всего его религиозного русско-православного мышления.

Б. Ширяев

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2947

Argentina

Buenos Aires

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Braell: Leo Rubanov, Caixa postal 8406 Correo Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1706), Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Sant a Ines, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, calle 14 de Mayo № 80, piso 10., Oficina del Ing. Cámeron, Asunción. Tel. 89-78.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif., USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store 337 E. 14-th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 7608-110 Ave., Edmonton, Alta.

L. Kostyria, 6, Argyle Street,

Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné Catierville (Montreal) P. Q.

EUROPE:

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumante, Bruxelles

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue le Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev Cas. postale 102, San Remo.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. S. Domansky, 24, Proctor Ave, Kingsgrove, Sydney, N.S.W.

ASIA:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

1955 НАША СТРАНА 1955

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Всеволода Дубровского

НАША СТРАНА

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

НАША СТРАНА

ПОДПИСКА

принимается Редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на определенное количество номеров, или на срок: на 6 или на 12 месяцев (монетная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров газеты). Стоимость отдельного номера в розничной продаже или при подписке — одинакова.

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 4 гуарани; Чили — 15 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 мф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенса; австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

По ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии — 5,50 круз.; в Венесуэле — 1,25 бол.; в Парагвае — 5 гуарани; в Чили — 20 чил. песо; во Франции — 100 фр.; в Германии — 1 нем. марка.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настоятельно просим вносить не позже чем на два дня в последний номер издается.